

Б. Сливкер

**Утопический социализм -
один из источников
марксизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б. Сливкер
Б11 Утопический социализм - один из источников марксизма / Б. Сливкер – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 146 с.

ISBN 978-5-458-55121-2

Монография посвящена истории развития утопической мысли в Западной Европе в XVIII-XIX вв.: критическому рассмотрению вех становления утопического социализма, описанию работ Сен-Симона и Фурье, а также процессу становления научного социализма.

ISBN 978-5-458-55121-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ческое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания“¹.

Мы справедливо отбрасываем сейчас всякие утопические системы, как слепые, пошлые и в самом основании своем реакционные.

Иными и не могли стать многочисленные виды утопического социализма *после* выступления марксизма на историческую арену. В этих системах нет ни грана социализма, как нет ничего от подлинной диалектики Гегеля у позднейших его реакционных эпигонов, как нет бескорыстного, подлинно научного исследования у эпигонов буржуазной экономической и исторической науки.

Маркс и Энгельс, а в новую эпоху Ленин и Сталин неустанно разоблачали реакционность всякого рода утопической фразеологии и вред ее для борьбы рабочего класса.

Но марксизму чуждо игнорирование и непонимание связи научного социализма с его идейными предшественниками. Надо отличать учение великих утопистов первой половины XIX века—Сен-Симона, Фурье, Оуэна—от реакционно-утопических систем.

Научный коммунизм—марксизм сумел не только разоблачить несостоятельность утопических теорий, но и вскрыть подлинный исторический смысл и „рациональные зерна“ в предшествовавших ему теоретических попытках переустройства общества на новых началах.

Эти теоретические попытки прежде всего находят свое историческое оправдание в том, что они возникли как отражение гнета во вновь образовавшемся „свободном“ капиталистическом обществе и как выражение протеста против него. Этот „первоначальный социализм“ (Ленин) был утопическим потому, что, критикуя капиталистическое общество, осуждая его, проклиная его, он „мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безразличности эксплуатации. Но... не мог указать действительного выхода“².

Разрабатывавшиеся в подробностях великими утопистами построения будущего общества могли быть тогда только

---

¹ Маркс и Энг. Манифест Коммунистической партии, стр. 67, 1939 г.

² Ленин, т. XVI стр. 352.

фантастическими и содержали много несерьезного, подчас смешного. Но именно эта сторона их учений отошла с точки зрения марксизма, в область истории. „Предоставим литературным лавочникам,—писал Энгельс,—самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным „сумасбродством“. Нам гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филлистыры“¹.

Виднейшие представители первоначального, утопического социализма стоят на столбовой дорожке развития теоретической мысли своего времени. Они органически связаны с достижениями и традициями философии и науки и идейными истоками XVIII века. В ту пору, когда еще не было подлинной социальной науки, когда только отдельные гениальные мыслители доходили до понимания значения исторической закономерности,—великие утописты ставили со всей остротой эти вопросы.

Они дали непревзойденную до Маркса критику современного им общества. Они были для своего времени наиболее яркими обладателями „чувства нового“ в предвосхищении светлого будущего, хотя и не сумели нащупать в этом направлении реальные пути.

С фанатизмом и страстностью они ставили вопросы преобразования общества на новых, разумных началах и пытались по-своему ответить на эти вопросы. Но разрешить их они не могли.

Причины этого лежали не в личной ограниченности великих утопистов. Сильными и слабыми сторонами своих учений они отразили то, что в самой жизни только начало развиваться,—противоречия капитализма и классовой борьбы несложившегося еще пролетариата. Значение их теоретической деятельности, которая сыграла роль одного из источников марксизма, определяется тем, что *в их лице передовая мысль человечества поставила насущнейшие вопросы современности и будущего развития. Вся гениальность Маркса, как указывал Ленин, в том и состояла, что он дал ответы на все эти вопросы и указал единственно правильный путь их разрешения.*

---

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 180, 1940 г.

Правильность марксистского учения доказана теперь не только научно-теоретически. Марксизм получил свою всемирно-историческую проверку в победе социализма на одной шестой части земли и в конкретно осуществляющемся переходе к коммунизму. Но, писал Энгельс, научный социализм „никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна—трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно“¹.

Изучение теоретических источников марксизма имеет огромное значение для понимания научного социализма.

---

¹ *Карл Маркс*, Избранные произведения, т. II, стр. 441, 1940 г.

Глава первая

ФРАНЦИЯ — ОЧАГ И РОДИНА УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

В истории конца XVIII и первой половины XIX века, подготовлявшей теоретические источники марксизма, сложилось своеобразное разделение труда между тремя передовыми тогда европейскими странами. Если руководящую роль в области философии играла Германия, а в области политической экономии — Англия, самая передовая тогда капиталистическая страна, то Франция того времени является классической страной политической и социалистической мысли.

И это не случайно. „Франция, — писал Энгельс, — есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единоклассной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна“¹.

Уже с XVI века в недрах феодальной Франции зарождаются и вызревают новые, капиталистические отношения.

---

¹ Карл Маркс, Избранные произв.

Но развитию их—чем дальше, тем все больше—препятствует феодально-абсолютистский строй, вся система средневековых порядков, учреждений и традиций. Усиливается противоречие между развитием производительных сил и все возрастающих новых экономических потребностей, с одной стороны, и сковывавшим их абсолютистско-феодальным порядком—с другой. Веками накапливавшаяся ненависть к этому „порядку“ вылилась во второй половине XVIII века в обостреннейшую классовую борьбу между господствовавшими сословиями—дворянством и духовенством, с одной стороны, и третьим сословием—с другой. Третье сословие, которое было политически ничем, но которое стало играть все большую роль в жизни страны, заявило устами одного из своих представителей, что оно должно стать „всеми“. В конце XVIII века во Франции разыгралась решительная борьба против феодализма и крепостничества. Это была самая крупная, самая значительная буржуазная революция. Победа французской буржуазной революции XVIII века и утверждение капитализма в передовых странах—„самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России...“¹

Ведущей силой третьего сословия была борющаяся за власть крупная буржуазия—передовой тогда класс, возглавлявший движение народных масс против абсолютизма.

В подготовке и на известном этапе в процессе самой французской революции буржуазия выступала тогда от имени всего общества—„против тиранов“. Ей, как говорит Маркс, особенно необходимо было, „чтобы задача отдельных членов стремящегося к господству класса изображалась как общечеловеческая задача“². Ведь основная разрушительная задача всякой буржуазной революции—борьба с феодализмом для расчистки пути свободной конкуренции—не может быть осуществлена и не осуществлялась без самого широкого участия народных масс. Только вмешательство „плебейского элемента“, на которое даже революционная буржуазия уже тогда смотрела с опаской, обеспечило достижение целей революции конца XVIII века.

---

¹ И. Сталин, С. Киров, А. Жданов, Замечания о конспекте учебника новой истории („К изучению истории“), стр. 25, Госполитиздат, 1938 г

² Маркс и Энгельс, т. IV, стр. 269.

Этой политической революции предшествовала революция в умах, происходившая в течение XVIII века, когда ее идеи формулировались передовыми представителями буржуазной философии и науки—„просветителями“ и французскими материалистами. Идеи Вольтера и Руссо, энциклопедистов и материалистов—Дидро, Гольбаха, Гельвеция обязаны своим происхождением материальным условиям жизни французского общества того времени и вытекавшим из этих условий требованиям третьего сословия. Выражая тогда и интересы масс, мобилизуя и организуя их, эти идеи превратились в могучую революционную преобразующую силу. Без борьбы этой блестящей плеяды представителей передовой тогда буржуазии против феодально-крепостнических идей и учреждений, против деспотизма и тирании невозможна была бы французская буржуазная революция XVIII века и ее победа.

Французские материалисты и просветители были идеологами революционной тогда буржуазии. Выступая с критикой феодального строя, идеализма и религии, они расчищали дорогу развивавшемуся капитализму. Но „в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии)... все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного“¹.

Неразумному феодально-абсолютистскому строю они противопоставляли „царство разума“. Это царство оказалось на деле только идеализированным строем капиталистической эксплуатации и буржуазной демократии. Но в идейном арсенале, который создавали тогда, в XVIII веке, французские материалисты и просветители, выковывалось, независимо от их воли, оружие и для более широких социальных требований. Прямо или косвенно формулировались теоретические и логические основы не только для политических задач буржуазии, но и для более радикаль-

¹ Ленин, т. II, стр. 315.

ных освободительных требований эксплуатируемых масс. Поэтому во французском материализме XVIII века оказались *теоретические истоки* также и для утопического социализма и коммунизма XIX века, а в проповеди идеи политического равенства у Руссо и др. теоретически обосновывалась аргументация и для требований социального равенства.

Остановимся вкратце на этой связи между французским материализмом, между идеями просветителей и утопическим социализмом и коммунизмом.

Французский материализм XVIII века имел огромное теоретическое и политическое значение. Даже идеалист Гегель, поскольку он считался с историческими фактами, вынужден был оправдать его разрушительную роль в борьбе против религии и государства. „Нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственности, подлости, даривших во Франции, чтобы понять заслугу этих философов,—говорил Гегель в своем курсе „Истории философии“.—Теперь лицемерие, ханжество, тирания, видящая, что у нее отняли награбленное ею, слабумие могут сказать, что французские философы падали на религию, государство и нравы. Но какая это была религия!.. Презренившее суеверие, поповщина, глупость, низкий образ мысли и главным образом растраживание богатства и утопание в изобилии земных благ при господствующей нищете. Какое это было государство! Бесконтрольнейшее господство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим беспорядок индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести, мысли“¹.

Французский материализм XVIII века, как и весь домарксовский материализм (включая и Фейербаха), не мог избежать известных черт ограниченности, связанных с уровнем развития науки и классовым мировоззрением его представителей. Он был механистическим, антидиалектическим, созерцательным, а в области общественных явлений

---

¹ Гегель, Соч., XI, 389. Соч.; 1935 г.

стоял на идеалистических позициях. Но это было передовое, единственно последовательное мировоззрение в борьбе против крепостничества. Его политическое и социальное значение сказалось не только в XVIII веке, но и в XIX веке за пределами Франции—как в самой передовой Англии, так и в самой отсталой тогда в Европе России.

Основоположники марксизма видели во французском материализме идейные истоки утопического социализма и коммунизма XIX века и французских революционных учений вообще. Для наглядного доказательства этой связи Марке приводит в „Святом семействе“ выписки из Гельвеция, Гольбаха.

Французские материалисты развили положение английского философа-сенсуалиста Локка о том, что человек, его характер являются продуктом среды, воспитания¹. В особенности у Гельвеция, в его сочинениях „Об уме“ и „О человеке“ материализм „непосредственно применяется к общественной жизни“². Все люди, по Гельвецию, от природы равны в своих умственных способностях, они отличаются прирожденной склонностью к добру, и только от общественных условий, от воспитания зависит развитие заложенных в человеке дарований. В области морали и нравственности человек под влиянием чувственных впечатлений руководится стремлением к удовольствию и счастью. Но, согласно Гельвецию, этот правильно понятый личный интерес, разумный эгоизм связан с общественным интересом, и принципом его является общественная польза.

Французский материализм создал, таким образом, предпосылки для выводов о необходимости разрушить социальные источники преступлений, выводов о необходимости объединения интересов индивидуума и коллектива, обеспечения необходимого жизненного пространства удовлетворению человеческих потребностей.

---

¹ Марке обращает также внимание на одного из ранних английских учеников Локка—Мандевилья. Мандевиль в своем сочинении „Песня о пчелах“ доказывает, что в современном обществе пороки необходимы и полезны. Содержащее в себе критику современного общества, это сочинение может служить „свидетельством социалистической тенденции материализма...“ (Маркс и Энгельс, т. III, стр. 160).

² Маркс и Энге.

III, стр. 159.

Формулируя эти выводы французского материализма, Маркс писал: „Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства. Если правильно поняты интерес составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек, по природе своей, общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по отдельным личностям, а по целому обществу“¹.

Из учения французских материалистов непосредственно исходят французский утопический коммунист конца XVIII века Гракс Бабеф и его последователи—бабувисты, а также великие французские утописты начала XIX века, в особенности Фурье. Французский материализм в той форме, какую придал ему Гельвеций, явился теоретическим исходным пунктом для великого английского утопического коммуниста XIX века Роберта Оуэна. Энгельс указывает, что Оуэн „в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей разработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму“².

Маркс говорит о французском и английском утопическом социализме и коммунизме, как о практическом материализме, совпадающем с гуманизмом. Маркс подчеркивает, что и позднейшие, „более научные французские коммунисты, *Дезалии, Гэй* и др., развивают... учение материализма как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*“³.

В развитии систем раннего утопического социализма и коммунизма во Франции известную роль сыграли

1 Маркс и Энгельс, т. III, стр. 160.

2 Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 177. 1940 г.

3 Маркс и Энгельс, т. III, стр. 161.

также разрабатывавшиеся просветителями XVIII века идеи равенства.

В борьбе против сословных феодальных привилегий духовенства и знати нарождавшаяся буржуазия апеллировала к „естественным“, *равным* „от природы“ для всех людей правам человека. Эти идеи нашли свое выражение в сложившихся еще в XVII веке в передовых странах—Англии, Голландии—естественно-правовых теориях Гроция, Гоббса, Спинозы, Локка. В XVIII веке эта проблема отклонения от естественного состояния, проблема связанной с цивилизацией порчи прав „носила в воздухе“. В настойчивости, с которой выдвигались и разрабатывались эти вопросы, находила свое выражение критика как старого, феодального строя, так и нарождавшегося нового, капиталистического.

„Буржуазная сторона требования равенства,—как указывает Энгельс,—была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования, формулирована Руссо“¹.

Руссо был наиболее ярким представителем идеи равенства всех перед законом, глашатаем идеи народовластия.

Почти за 30 лет до революции он в сочинении „Об общественном договоре“ выступил против феодального государства, как „несправедливого и абсурдного правления, в котором род человеческий унижен и в котором самое имя человека обесчещено“². Но и у Руссо естественное равенство ограничивалось равенством всех граждан перед законом, а существеннейшим из прав было объявлено право буржуазной собственности. И для Руссо обеспечение собственности было одной из целей общественного договора.

Так в идеологической подготовке буржуазной революции конца XVIII века феодальному государству, основанному на произволе и насилии, было противопоставлено буржуазное государство, якобы основанное „на разуме и праве“.

С конца XVIII века Франция стала притягательным центром революционно-демократических движений. „Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей поднимающейся буржуазии“³.

С наступлением революции буржуазная „Декларация

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 367.

² Руссо. Об общественном договоре, стр. 82, Соцэкгиз, 1938 г.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 180, изд. 11-е.